

* * *

В июле надломлены кончики
Осоковых лезвий и мне
С откоса слышней колокольчики
В кузнечиковой трескотне.

Я так увлечён был поклёвками,
Что поздно заметил вблизи,
Как ивы встречают с поклонами
Пришествие бодрой грозы.

Но ветер сменился и с грохотом
Гроза развернулась легко.
И только колодезным холодом
Упруго толкнула в лицо.

Сверкнула ветвистая молния,
Горохом тряхнув в погремке.
И капля случайная, вольная
Ударила вскользь по щеке.

А я-то настроился внутренне
На мрак, перехлест проливной,
На ужас и страх, и под утро на
Восторг исцелительный свой.

* * *

Август ржавеет с изнанки.
После грибного дождя
Шарюсь по чащам, поганки
Возле груздей обходя.

В лужах глубоки и привычен
Лета безоблачный сон
Хвойной трухой заресничен,
Жёлтым листом осенён.

В кронах присутствие неба
Множится и сознаю,
Я перед ним, где бы ни был,
Где бы ни встал, на краю.

* * *

Меня рисовали по белому – синим,
По синему – красным, и чуть золотым.
Меня воспитали весёлым и сильным,
Как тысячи тысяч, но чуть не таким.

А всё потому, что среди моих тёток
И дядек, умевших на людях блеснуть,
Был всяк в рассуждениях честен и чётко.
И только один с бесшабашинкой чуть.

Родня как-то рано ушла друг за другом.
И я в окруженье внезапных пустот
Стал тихо линять и сереть с перепуга
И выцвел совсем бы, когда бы не тот...

Он рюмку налив, бросил доброе слово
И для баловства папироску размял...
И я позабыл всё, что помнил толково,
А что не забыл, то запомнил.

И нас по каким-то притонам носило,
По девкам и дракам в запойных углах...
И в теле иссякла надёжная сила,
Растаял румянец на пухлых щеках.

Зато появилась суровая нежность
К собакам и детям, затишьям реки,
Где душу врачует родная безбрежность,
Смывает дождями тоску и грехи.

А внучка меня со стараньем упорным
В альбоме рисует огрызком простым –
По чёрному – белым, по белому – чёрным,
Да по серебристому – чуть золотым...

* * *

Зима изношена, а солнце
Добавит ветхости сукну,
Куда капли злей и звонче
Долбят одно по одному.

По срезу наледи, по сколу
Зимы послойно пролистай
Подшивку памяти, поскольку
Она хранит немало тайн...

Но отвергая зимний опыт,
Весна, покоя не суля,
Не запасает впрок, не копит,
А начинает жить с нуля!

* * *

И хотя обильней и добрей
Солнце воссияло, грязь подсохла,
Обветшалым выглядит апрель
Сквозь стакан берёзового сока.
По хрустяще прелому пласту
Сыпнул дождь с молочной крупью.
И подводим мысленно черту
Долгим холодам без перебою.

Шебуршим да хворостом хрустим.
Ах, костёр бы! – но забыли спички.
Без причины в небо погрустим
Или посмеёмся по привычке.
Снова дождь стремительно навис –
Светлый плач над памятью живою.
И поставим мысленно дефис
Меж слезой и каплей дождевою.

И замкнём затянутый маршрут
У привычной с остановкой лужи...
Твой автобус, кстати, тут как тут,
И слова прощанья, кстати, тут же.
Круг замкнулся, разомкнулось всё,
Разрешилось волею желанной.
И примеру мысленно кольцо
С правого на левый безымянный.

* * *

Сгущается рябинный воздух,
Горчит объёмно за окном,
И свет, и отсвет, звук и отзвук
Теряются и глохнут в нём.

Найдем, ощупью, спросонья
Тянусь к прозреньям, избежав
Изысканного пустословья
Людей, хватавших за рукав.

Прислушиваясь к перещёлку
И пересвисту, не найду
Хотя бы щель, хотя бы щёлку
В живое празднество в саду.

И думаю, за певчей страстью,
Её стозвучьем по весне
Стоит неслыханное счастье,
Совсем неведомое мне.